

Экономика России: Нужно демонтировать наследие 2000-х гг.

Евсей Гурвич
Руководитель Экономической экспертной группы

Приложение «Форум» к газете «Ведомости», 24.12.2013

Евсей Гурвич

Руководитель Экономической экспертной группы (с 2004 г.), член экономического совета при президенте. Окончил факультет управления и прикладной математики Московского физико-технического института (1971 г.) и его же аспиранту (1975 г.).

Я выступаю как независимый эксперт, поэтому в отличие от большинства других участников могу говорить без политических ограничений. И поэтому, наверное, мое выступление будет достаточно тревожным. Я считаю, что в экономике мы сейчас вошли в системный кризис. У нас уже фактически год почти нет роста ВВП, рост промышленности — нулевой, инвестиции — отрицательные. Наш анализ показывает, что если мы не добьемся каких-то радикальных изменений, то у нас сохранится низкий рост и в долгосрочной перспективе. Наши оценки долгосрочного роста — в среднем 2-2,5% в год. Тогда как мировая экономика, по оценкам международных организаций, будет расти в среднем на 3,5-3,7%. Это значит, что мы будем опускаться в мировой таблице о рангах, мы будем отставать от мирового развития.

Пока что я не вижу адекватной этому вызову реакции. В 1998 г., когда у нас упали цены на нефть, произошел болезненный кризис. Открылось серьезное окно возможностей, и всего за два года государственные расходы были сокращены более чем на 10 процентных пунктов ВВП. Сейчас мы обсуждаем в экспертном сообществе, но на уровне правительства я не видел пока ни анализа причин, почему это произошло, ни адекватных мер. Я никого не хочу обидеть, но решение о финансировании инфраструктурных проектов никак не адекватно масштабам тех проблем, которые перед нами стоят.

Для начала необходимо поставить диагноз, почему мы пришли к текущему состоянию. Нельзя сказать, что правительство ничего не делало. Наоборот, у нас все время разрабатывались какие-то программы, принимались какие-то меры, но в итоге все это не работает. У нас есть поддержка инноваций, но нет инноваций. У нас есть программа диверсификации экономики, но нет диверсификации. Есть институты развития, но нет развития.

Хочу пройти по тем направлениям, которые совсем недавно разрабатывались в рамках «Стратегии-2020». Не хочу сказать, что там есть ответы на все вопросы, но там есть системный взгляд на наши проблемы и некоторые системные подходы к их решению. Пока что это не было так уж сильно востребовано правительством. Я бы сказал, что оттуда, как изюм, выковыряли несколько мер. Они реализованы, все остальное продолжает лежать на полках. У нас в перспективе бюджетные доходы будут падать в процентах к ВВП — т. е. расти гораздо медленнее, чем ВВП, который сам будет расти очень медленно. Это значит, что у нас минимум в 4 раза медленнее, чем до кризиса, будут расти бюджетные ресурсы. Наша бюджетная политика настроена совсем на другие условия.

Совершенно справедливо говорилось, что для реализации этой политики нам нужно расти минимум на 5% в год. Во-первых, нам нужно перестраивать всю бюджетную политику и свое мышление. Нужно задуматься, может ли страна, которая отстает от мирового развития, столько тратить на геополитические проекты, столько тратить на демонстрационные проекты. Наверное, такая страна должна сосредоточиться на решении более насущных задач.

Второе — социальная политика. Совершенно очевидно, что нужны тяжелые непопулярные меры, без которых мы не проживем. Например, переход к адресной социальной политике — поддержке не всех подряд, а только наиболее нуждающихся. Пенсионная система. Нам нужно перейти от решения краткосрочных проблем к долгосрочному мышлению. Показать бизнесу, что ему нужно строить долгосрочные стратегии и следовать им. В 2002 г. мы разработали пенсионную реформу, ориентированную на длительный срок, а дальше горизонт планирования этой реформы сжимался. Сейчас он составляет лишь несколько лет. То есть в 2010 г. мы провели реформу, уже в июне 2010 г. в бюджетном послании президента было сказано, что нужно начинать новую реформу. Она становится у нас перманентной, и каждая следующая — с горизонтом короче предыдущей.

Следующий вопрос — рынок труда. У нас падает численность рабочей силы, но в то же время есть резервы — отрасли, где слишком много рабочей силы. В первую очередь — государственный сектор. Нам нужно серьезное сокращение численности госсектора. В нем на душу населения занятых в 1,5 раза больше, чем в развитых странах ЕС, примерно втрое больше, чем в сопоставимых с нами странах, например в Мексике. Здесь как раз связка со следующим пунктом — с оптимизацией присутствия государства и сокращением регулирующих функций.

Общий вывод из моего выступления: если многочисленные меры, которые принимало правительство, не дали результата, то, наверное, нет смысла продолжать выдумывать новые меры, а нужно задуматься, какую среду мы создали. И почему в этой среде разумные меры, которые работают в других странах, не дают результата.

Мой ответ состоит в том, что в 2000-е гг., когда у нас росли цены на нефть, росло благосостояние, параллельно воздвигались очень высокие барьеры для входа на рынок, для экспорта-импорта, получения разрешения на строительство и т. д. В такой форме бюрократия получала свою долю растущего нефтяного пирога. Одновременно росло силовое давление на бизнес и силовые структуры получали свою долю. Сейчас нам нужно развернуть эту тенденцию, т. е. демонтировать наследие 2000-х гг. Без этого никакие отдельные меры нам не помогут.

Текст основан на выступлении автора на Финансовом форуме газеты «Ведомости» 27.11.2013